

ПРОСТОЙ ПОРТРЕТ

Спокойно и серьезно смотрят, погруженные в глубокую думу, родные глаза. Высокий характерный лоб. Внизу, на раме старинного образа, медальон со словами:

Председатель
Совета Народных
Комиссаров
В. И. Ульянов
(Ленин).

Простой ленинский портрет. Ничем как будто на первый взгляд он не выделяется. Да это и не оригинальное произведение. Лишь одна из копий известного снимка, перенесенного на лист металла.

Давно, чуть ли не с первых лет Советской власти на Украине, этот портрет находился в декорационном цехе Киевского театра оперы и балета.

Почему с такой теплотой говорят о нем в театре? Чтобы ответить, придется вкратце коснуться жизни одного незаметного труженика искусства. Есть такие: о них, к сожалению, очень и очень редко упоминают, когда говорят об очередном творческом успехе театра. Но без них и успеха не бывает. В каждом — частица их труда.

Совсем молодым, только что закончив частное художественное училище, пришел в театр Валентин Степанович Ленерт. Было это в самом начале века. Здание театра лишь достраивалось. Глубокой пропастью казался незаконченный зрительный зал. Шаткие мостки вели в мастерскую, где готовились декорации для первого спектакля — ставился «Иван Сусанин» М. Глинки.

Ни один спектакль с тех пор не обходится без художника-декоратора Ленерта. И он с полным правом мог бы сегодня сказать о себе: «Моя жизнь — в искусстве». Да, вся жизнь! Пятьдесят три из семидесяти шести лет отдано театру.

Многое пережито за эти полвека с лишним. До сих пор старый художник помнит спектакли с участием великих русских певцов и заезжих иноземных знаменитостей, помнит Шалапина, Собинова, Тито Руффо.

Но, пожалуй, никогда он так не волновался, как в дни, когда театр впервые заполнил новый зритель. Тот зритель, которого прежде приходилось видеть очень редко, да и то лишь на самых верхних ярусах. Поймет ли этот новый зритель искусство, нужно ли оно ему? Оказалось, да! Именно он по-настоящему любит искусство, взыскательно ценит и очень многого ждет от него.

Чем все это стало для художника — и советский театр, и

новый зритель, — Ленерт особенно остро, с сердечной болью почувствовал в дни войны и фашистской оккупации.

К Киеву рвался враг. Кто мог держать оружие, уходил на линию обороны. Уже шестьдесят лет было Ленерту. Старость отняла силы. Тихий и слабый человек, он не знал тогда еще ни о партизанах, ни о гвардейцах, под знаменами с ленинским образом принимавших клятву: стоять насмерть за советскую Родину.

Но он сделал все, что подсказало сердце.

В последнюю минуту, когда танки со свастикой уже были на окраинах города, Ленерт пришел в театр. В надежном, только ему известном месте он прячет портрет. Он знал, на что идет, чем рискует, если его тайна раскроется. И все же спрятал, сохранил портрет Ленина, как символ любви, веры, символ борьбы.

Трудно пришлось старому художнику. Своими глазами он видел, как все, составлявшее смысл его жизни, топчется, оскверняется неистовым врагом. В театре хозяйничал фашист Брукнер.

— Ленерт? Фамилия немецкая. Наш? — спросил он как-то о художнике.

— Почему вы голодаете? У вас фамилия немецкая. Пойдите к Брукнеру, — советовали Ленерту некоторые.

— Да как вы можете это говорить? Я — советский человек, — с негодованием отвечал старик.

В самые тяжелые, самые страшные и голодные дни его не покидала мысль: «Нет, так не будет!»

И он дождался дня, когда сохраненный им простой ленинский портрет, словно драгоценная реликвия, снова возвратился в его родной театр.

Такая история этого портрета и ушедшего на пенсию старика-художника Валентина Степановича Ленерта.